

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

эликсир
БОДРОСТИ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

Эликсир бодрости

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»,
Алма-Ата — 1982

Иванов А. С.

И 20 **Эликсир бодрости: Рассказы.— Алма-Ата: Жазушы, 1982.— 64 с.**

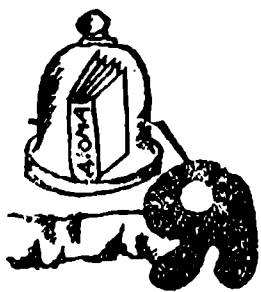
В сборник включены юмористические рассказы, многие из которых знакомы читателям по периодической печати.

В лучших из них творческая манера автора проявилась наиболее полно: в его палитре и ирония, и гротеск, и сарказм — приемы, которыми он владеет одинаково хорошо. С их помощью автор высмеивает современное мещанство, прикрывающееся демагогическими лозунгами, развенчивает своих героев в их духовной несостоятельности, суетности их жизненных устремлений, подмечает и бичует еще бытующие в жизни недостатки и пороки.

Рецензенты: *Р. Соколовский, Ю. Тарасов*, члены СЖ СССР.

Р 2

И **70302—141**
402{05}82 **184—82 4702010200 ©** Издательство «Жазушы», 1982

БОЛЬШАЯ ЦЕННОСТЬ

просматривал каталог в букинистическом магазине в надежде найти нужную книгу.

Вдруг сзади на меня пахнуло винным перегаром и кто-то хриплым голосом произнес над ухом:

— Есть «Королева Марго».

Я оглянулся. Передо мной стоял неопределенного возраста тип, с нагловатыми глазами. Лично мне «Королева Марго» была не нужна, но я вспомнил, что этой книгой недавно интересовалась жена, а потому спросил

— Какая цена?

— Пятнадцать рэ,— последовал ответ.

Я поперхнулся.

— Да, вы что,— говорю,— шутить изволите? Она же стоит где-то около четырех рублей.

Подозрительный тип презрительно смерил меня взглядом, сплюнул на паркетный пол и менторским тоном изрек:

— Серость. Это же Дюма! Классика! Считайте, отдаю за полцены. Попробуйте купить в другом месте...

Когда я рассказал об этом жене, та взорвалась.

— Какой нахал! Да я за эти деньги куплю три «Королевы». Нет, придется мне самой заняться нашей библиотекой. Кстати, книги сейчас опять в моде и представляют большую ценность.

Услышав такое энергичное заявление, я сразу сник, так как очень хорошо знал свою жену. Если она за что-то бралась сама, то бралась мертвой хваткой, надолго и всерьез. И тогда уже никакие преграды и трудности не

могли заставить ее отказаться от намеченной цели или хотя бы умерить ее пыл...

Наша библиотека начала расти на глазах. Жена с утра и до вечера не вылезала из книжных магазинов, часами стояла там в очередях, записывалась во всевозможные списки, доставала каким-то образом талоны, меняла их. У нее появилась масса новых знакомых, большая часть из которых явно смахивала на дельцов.

Наша квартира стала напоминать приемный пункт макулатуры. Все комнаты были завалены до потолка бумажным хламом, в котором давно уже исчезли нужные мне подшивки журналов и газет.

Однажды, перед отъездом в длительную командировку, я, ради интереса, взял из книжного шкафа первую попавшуюся новую книгу. Моему изумлению не было конца. Это была монография об исследовании почв черноземья.

Я попытался урезонить жену:

— Ну, скажи, зачем тебе книга о почве? Ты что — почвовед, агроном?

Жена посмотрела на меня с сожалением, как смотрят родители на своих больных детей, и сказала:

— А ты обратил внимание на переплет? По темно-коричневому полю тиснение золотом. Это же великолепно смотрится!

Спорить было бесполезно.

Когда я вернулся из командировки, квартиру было не узнать. Весь бумажный хлам исчез, а книжный шкаф и все полки были забиты книгами, сияющими позолотой и серебром.

Я посмотрел на нижнюю полку шкафа, где ранее стояли в мягких потрепанных обложках уникальные книги русских классиков. Их не было. На полке красовались новые книги в подозрительно одинаковых переплетах. У меня возникло недоброе предчувствие.

— А где книги, которые стояли здесь?— с дрожью в голосе спросил я жену.

— А я сдала их в макулатуру. Они совершенно не смотрелись.

У меня подкосились ноги, и я упал в кресло. Через минуту мне стало немного лучше. Я машинально начал читать названия книг, занявших мою любимую полку.

Там в тесном ряду стояли в добротных переплетах, тесненных золотом, четыре книги «Королева Марго», три — «Графиня де Монсоро», две — «Граф Монте-Кристо»...

— Ну, скажи мне, пожалуйста, зачем тебе столько королев и графинь?— простонал я.

— Так это же Дюма! Классика! Неужели ты не понимаешь?

Я с удивлением посмотрел на жену. Она произнесла тираду о Дюма почти так же, как тот подозрительный тип из букинистического магазина.

ДРУЗЬЯ

ознакомились во дворе. Я помог ему починить велосипед. Он, после небольшого раздумья, угостил меня конфетой.

Оказалось, у нас очень много общего. И его и меня зовут Петей. Только его просто Петей, а меня Петром Ивановичем. Нам 36 лет — мне тридцать, ему шесть. Это, пожалуй, единственная ощутимая разница, а в остальном все схоже.

От меня год тому назад ушла жена, от него чуть раньше ушел отец. Он готовился поступить в школу, а я в аспирантуру. Одним словом, мы подружились. В выходные дни мы гуляли в парке, ходили в кино, цирк, вместе строили во дворе «неприступные крепости».

К нему я заходить стеснялся. У него была очень краси-

вая мама с большими печальными глазами. Когда эти глаза случайно останавливались на мне, я сразу терял дар речи, делался трусливым и глупым. А глупый мужчина, как известно, зрелище не очень приятное. Поэтому я старался избегать лишних встреч с Петиной мамой.

Однажды, возвращаясь с работы, я застал Петю у себя дома. Он был явно не в духе.

— Ты что это нос повесил?— спросил я его.

Петя посмотрел на меня исподлобья, поковырял пальцем в носу и вдруг задал встречный вопрос:

— Дядь Петь, я тебе надоел?

— С чего это ты взял?— удивился я.

— Это не я. Это мама так говорит. Женщины, они всегда что-нибудь придумывают. Она говорит, что ты человек занятый, а я тебе мешаю. А я ей говорю: «Если я ему мешаю, то он сам скажет». А она говорит: «Может, он стесняется сказать тебе, а ты сам должен догадаться, если умный». А я говорю: «Догадываться я не хочу, а умным потом стану, когда вырасту, а сейчас это не обязательно». Дядь Петь, а ты умный?

— Кто его знает,— отвечаю.— Я как-то об этом не думал.

— А правда, что человек от обезьяны родился?— снова спрашивает Петя.

— Не родился, произошел,— поясняю я.— Были раньше такие человекоподобные обезьяны, которые потом постепенно превратились в человека.

— А сразу разве нельзя?— не унимался Петя.— Если взять хорошую обезьяну и отдать ее в школу, получится из нее человек?

— Нет, Петя, не получится. Я же тебе говорил, что это очень длительный процесс.

— Дядь Петь, а почему ты все знаешь?

— Ну, потому что я большой. Много читал, учился.

— Моя мама тоже много знает. Только мне ее немножечко жалко.

— Почему тебе ее жалко?— не понял я.

— Скучно ей. Нам-то вдвоем весело. Мы везде вместе ходим, а мама все одна, да одна.

— А давай и ее пригласим на завтра в цирк?— смущаясь и краснея, предложил я.— Втроем нам будет еще веселее.

— Вот здорово!— воскликнул Петя и побежал сообщить матери эту радостную для него весть.

Я с затаенной надеждой посмотрел ему вслед.

ЭЛИКСИР БОДРОСТИ

Когда я окончательно занемог, жена отвела меня к врачу.

— Спасите,— говорит,— человека!

Врач осмотрел меня внимательно, потрогал впалую грудь, острые лопатки, будто прорезающиеся крылья архангела Гавриила, потом выдохнул:

— Гиподинамия, папаша! Совсем мало двигаетесь.

Он бросил сочувственный взгляд на жену, потом на меня и добавил:

— Вот просите дочку, чтобы почаще выводила вас на воздух.

— Это жена моя, а не дочка,— объяснил я.

— Простите,— поперхнулся доктор.— Она у вас такая молодая...

— Мы ровесники,— уже сердито буркнул я и закашлялся.

Врач закатил глаза и схватился рукой за подбородок, чтобы тот не отпал от удивления.

— Это он заработался,— стала объяснять жена, нежно поглаживая меня по торчащим закрылкам.— Ведь день и ночь сидит. Давление у него, бессонница, аппетита нет, а тут еще жалобы от жильцов одолели: кашляет

он по ночам сильно, а звукоизоляция в современных квартирах сами знаете какая, во всем доме слышно. Кашель-то у него от курения начался, а курение от нервов, а нервы...

— Стоп, стоп,— перебил ее доктор,— все ясно. Вот вам мой добрый совет: немедленно покупайте дачу!

Он дружески хлопнул меня по плечу и тут же поймал мое невесомое тело в воздухе, не дав ему опуститься на грешную землю.

— Дача — это эликсир бодрости и здоровья! — поставив меня на ноги, продолжал доктор.— Через полгода вы будете атлетом. На руках сможете носить жену... Кстати у меня и адресок есть...

Жена записала адрес, поблагодарила доктора, и пошли мы с ней менять мою хворь на дачу. Цена оказалась сносной, и мы стали владельцами захламленного клочка земли с небольшим облупленным домиком.

С помощью соседей нам сравнительно легко удалось установить, что на этом клочке растет нужное и что не нужное.

Вечером, вооружившись справочниками по садоводству и огородничеству, я погрузился в чтение.

— Не тем занимаешься,— отобрала у меня книги жена.— За ремонт дачи возьми.

Первая неувязка: где достать стройматериалы? После долгих бесплодных поисков я обратился к преуспевающему соседу-дачнику.

— Лучше всего,— сказал он вкрадчиво,— дефицитные материалы добывать на стройках...

— А каким образом и по какой цене?

Дачник по-воровски оглянулся, подтянул меня к себе за пуговицу пиджака и тихо прошептал на ухо:

— Надо ножками, ножками походить по стройкам. Там все материалы независимо от наименования имеют единую твердую цену 5 руб. 30 коп.

И началась изнурительная, муравьиная работа. Свои-

ми тощими ногами я исколесил все магазины и стройки города. Брал все, что только можно было брать. Весь этот хлам, называемый почему-то стройматериалом, мы с женой, обливаясь потом, грузили на машину, везли на дачу, сгружали, сортировали и т. д. и т. п.

Поскольку хвороба еще не позволяла мне трудиться в полную мужскую силу, вся наиболее тяжелая работа, на первых порах, легла на плечи жены. Кстати сказать, она справлялась с этим успешно. Постепенно втягивался и я. В этом мне очень помогли ежедневные пробежки от дома до автобусной остановки. Иначе не успевал на последний рейс.

Из-за того, что наряду с ремонтом домика нужно было еще заниматься участком, мы просто задыхались от недостатка времени. Субботних и воскресных дней стало явно не хватать. Начали ездить ежедневно.

Приедем, бывало, после работы и до темноты окучиваем, подрезаем, подкармливаем, подсаживаем, пропалываем. А когда наступит темнота и жена уедет домой, я начинаю полив. Ночью поливать, скажу вам по секрету, одно удовольствие.

Нестойкие дачники к этому времени разъезжаются по домам, а стойкие со скандалом и боем успевают полить засветло. Лей сколько хочешь! Иногда в раж войду, так поливаю до самого утра, пока весь участок в болото не превратится. Утром заскочу домой, хлебну горячего чаю — и на работу.

Поначалу, признаюсь, трудно было. Руки и ноги ныли и спать ужасно хотелось, а потом приспособился. Разложу на столе бумаги, положу на них голову и сплю. С работы выхожу свеженький, как огурчик, и бегом на дачу.

К осени я стал просто неузнаваем: посвежел, мускулы налились, как у культуриста, даже походка и та изменилась.

Теперь я любое нужное мне бревно играючи могу от самого города до дачи дотащить. Да что там бревно.

Когда мастерил на даче душ, двестилитровую емкость без всяких приспособлений на двухметровую высоту водрузил. У жены от удивления и волнения подкосились ноги, но я легко подхватил ее и на руках отнес в домик. Доктор оказался прав.

ССОРА В ЦЕЙТНОТЕ

Шахматист я, честно говоря, не очень высокой квалификации, но так уж получилось, что в день рождения сослуживцы подарили мне шахматные часы. Подарок мне понравился. Ведь шахматные часы — это дефицит, в магазинах они редко бывают. Домой я заявился в приподнятом настроении.

— Что это ты принес? — полюбопытствовала жена, с интересом рассматривая коробку.

— Сейчас увидишь, — я извлек часы из упаковки, завел их и торжественно поставил на стол.

— Что это? — удивилась жена.

— Шахматные часы, — говорю и для убедительности нажимаю на правую кнопку.

— Тебе что — деньги некуда девать? Ты что — Карпов, Таль?

— Это же подарок, — поясняю ей. — Ты что, забыла какой сегодня день?

— День, как день, знаю. Нашли чем отметить, — голос у жены дрогнул. — Что, они не могли тебе купить подарок поприличнее? Ну, скажи, для чего они нам?

— Дареному коню в зубы не заглядывают. К тому же эти часы универсальные, их можно использовать и в хозяйстве, — схитрил я.

— Это каким же образом? — несколько смягчилась жена...

— Очень просто,— отвечаю.— По этим часам, к твоему сведению, можно варить манты и печь пироги, определять, сколько времени наш сын гуляет на улице, а сколько готовит уроки, засекают, сколько минут ты тратишь на прическу...

Перечисляя, где и как можно использовать шахматные часы, я для наглядности загибал на руках пальцы. А когда пальцы кончились, я перевел дух.

— Это все?— настраиваясь на скандал, зло спросила жена.

— Нет, не все,— не выдержал я.— По этим часам, дорогая, можно точно определить, у кого из нас длиннее монологи во время домашних ссор. Это я тебе сейчас же продемонстрирую,— и я с треском нажал на левую кнопку часов.

— Подумаешь, какие универсалы!— жена с опаской и неприязнью посмотрела на часы и демонстративно вышла из комнаты.

Хотите верьте, хотите нет, но с тех пор ссоры у нас в семье почти прекратились. Стоит только возникнуть какой-нибудь ситуации, располагающей к скандалу, я тут же достаю часы и торжественно ставлю их на стол. Желание ссориться у обоих сразу пропадает.

СПАСЕМ ЛИ САВИЧЕВА?

Петя Савичев запил в аккурат, когда у нас на заводе кампания по борьбе с пьянством началась. А мастер наш, Макар Макарыч, очень его, пьянство то есть, не любил. Когда вокруг все пьют, у него план горит. Но человек он душевный, с плеча не рубит. Вот поэтому и подходит он ко мне насчет Савичева, чтобы я, как член месткома по бытовой линии, встретился с Петькой и поговорил с ним по душам.

— Может, у него в семье несчастье какое случилось,— сказал Макарыч,— а может, в компанию нехорошую попал. В жизни это бывает. Одним словом, получил поручение и действуй.

Хорошо ему говорить «действуй». А как? Кампания против пьянства только-только началась, а потому никакого опыта в этом деле не было.

— ...Ты вот что,— почесав затылок, предупредил Макарыч.— Разговор с ним вееди поделикатней.

Думал, думал я, да и взял после работы пол-литра водки и направился к Савичеву. Так за рюмкой, решил я, будет сподручней на откровенность выйти.

— Какими судьбами?— спрашивает Петька.

— Да вот, решил посмотреть, как ты живешь, заодно и потолковать кое о чем,— отвечаю.

— Ну, тогда проходи, садись, ужинать будем,— обрадовался Савичев.

— Тащи, Петя, стопки.

— Это еще зачем?— удивился Савичев.

— Как зачем, выпьем по маленькой в честь встречи, да и потолкуем. Я для такого случая и бутылек с собой прихватил.

Смотрю, мой Петя как-то скис, но рюмки принес. Разлили, чокнулись.

— Ну, давай за твоё здоровье!

Выпили, Петька жутко как сморщился. Ясное дело, думаю, мутит беднягу после вчерашнего.

Налили по новой.

— Ты не стесняйся,— говорю,— пей!

— Так я и пью,— виновато улыбается Савичев.— Только плохо идет она у меня... Не привык. Пьянею быстро.

— Ну, ты это брось. Не скромничай, все так говорят.

— Кто «все»?

— Пьянчужки разные.

Хитрый этот Савичев. Совсем уже развезло, язык за-

плетается, а все себя за трезвенника выдает. Налью-ка я для контакта еще по одной.

Вздохнул тяжело Петька (вот артист), но выпил.

Совсем поплыл мой подопечный. По всему видать — алкоголик. Все признаки. Хлебну я с ним горя. Как такого перевоспитаешь?

Допили мы бутылочку. Чувствую, Савичев совсем готов для беседы. На полную откровенность. Все скажет. Как брату родному.

— Ты вот что, Петь,— беру я быка за рога.— Дай мне слово, что пить больше не будешь. Даешь?

— Даю. Только не от меня это зависит.

Ага, думаю, раскалывается, сейчас всех собутыльников выдаст, как миленький.

— А от кого?— наступаю я.— С утра от тебя как из бочки несло. Небось всю ночь керосинил? С кем пил, говори?

— С Ма-арьей Петровной,— всхлипнул Петька.

— Ну, это ты, Савичев, лишнего хватил. Перебор получается. Марья Петровна — это же наша завмедпунктом. С какой стати она будет с тобой пить?

— Она ме-ме-мензурку спирта принесла. Уговаривала, как и ты, больше не пить. Сказала, чтоб я в наркол-кологический пункт лег. Вылечат,— говорит,— от пагубной привычки.

Петька обхватил голову руками и горестно закачался из стороны в сторону.

— погоди,— сказал я,— позавчера с кем?

— Из совета бригады Кольчугин приходил. С бу-бу-бутылкой.

— А еще раньше? Ты же все дни с похмелья появляешься.

— А все приходят, уговаривают пить бросить. И все с бу-бу-бу...

— Ну, а самый первый раз, в начале недели?

— Не пил.

— Врешь.

— Не-не пил я! — размазывая слезу по лицу кулаком, поклялся Савичев, — не пил. Я компресс на зуб сделал. А сторож на проходной учуял. Вот вся общественность и по-по-поднялась на меня.

— Тиша! — воскликнул в смертной тоске Петр, — ты друг мне? Как другу говорю — не пил и не бу-бу-бу...

— Ну и молодец! — погладил я его по голове. А про себя подумал — это я молодец. Распутал-таки клубок этих пьянок. Спас человека. Макарыч будет доволен.

Утром мастер подошел ко мне.

— Ну как, — спросил он, тайком указывая на Савичева, возившегося у своего верстака.

— Во! — показал я большой палец, — завязал Петька. Слово дал.

— Ну-у? — недоверчиво протянул Макарыч, — а я подходил к нему — и знаешь, — того, круто спиртным несет. Постой, постой, — вдруг всполошился мастер, принюхиваясь — да никак и ты?.. Все ясно, вместе пили...

— Эх, — вздохнул он. — Ни на кого нельзя положиться. Придется заняться парнем самому.

...На следующий день руки у Петьки Савичева дрожали, взгляд был какой-то затравленный. Я все понял: Макарыч проводил воспитательную работу...

ПРОВЕРЕНО НА ПРАКТИКЕ

по натуре человек стеснительный и неразговорчивый. Для меня лучше две смены подряд отработать, чем один раз речь держать.

И это, как говорится, проверено на практике.

Вызывает как-то меня наш директор ателье и говорит:

— Завтра состоится районное совещание работников сферы обслуживания. Придется тебе, Степанов, высту-

пить, так сказать, поделиться своим опытом. Ателье наше план перевыполняет, а ты у нас лучший мастер.

— Помилуйте, Петр Иванович,— говорю,— я же раньше никогда не выступал, а тут сразу на районном совещании!

— Ничего, ничего, Степанов. Надо!

И вот сижу я на этом совещании рядом с директором, а самого трясет, как в лихорадке. Никак не могу уловить, о чем выступающие говорят.

Вдруг директор меня в бок толкает.

— Иди,— говорит,— твою фамилию назвали.

Встал я и от волнения в другую сторону от трибуны направился. Тут кто-то меня развернул и подтолкнул к сцене. Иду, а ноги, как ватные — никак не слушаются. Кое-как добрался до трибуны, достал из кармана приготовленную месткомом речь и, не глядя в зал, начал читать.

Не прочитал и двадцати слов, как во рту у меня все пересохло, а язык начал угрожающе расти в объеме. «Ну,— думаю,— пропал, опозорился... Схватил стакан с водой, чтобы рот, значит, смочить. А стакан, как назло, кто-то налил до самых краев. Вода и полилась на листочки, на которых речь была написана. Вижу, поплыли буквы и слова, не разобрать, что и насколько процентов мы выполняем...

Стал я стряхивать с листков воду, задел стакан. Грохнулся он на пол, брызги до первого ряда полетели.

В зале раздался смех. А я стою и холодным потом обливаюсь. Вдруг замечаю, смеются весело, без зла. Видно, обрадовались, что я дремоту с них согнал от скучных выступлений. Стало и мне смешно, хохочу вместе со всеми. И такое на меня облегчение нашло, что язык мой сразу принял нормальные размеры.

Когда в зале поутихли, засунул я в карман подмоченную речь и уже своими словами говорю:

— Одеть красиво человека, товарищи, дело не прос-

тое, особенно если этот человек — женщина. А как мы одеваем наших дорогих спутниц жизни? В основном в метраж, в количество одеваем. По метражу наше ателье из года в год план перевыполняет. А что толку? Возьмите нашу книгу жалоб. Она по объему больше, чем полное собрание сочинений Льва Толстого. Я как-то прикинул, что если из нее вырвать все листы, то из них можно было бы сшить 80 мини-юбок. А почему? Потому что в нашем ателье в почете не мода и качество, а только количество. Вот и получается, что вместо радости — печаль нашим дорогим женщинам приносим. А так вообще план мы выполняем, на хорошем счету в районе числимся.

Закончил я говорить и пошел на свое место, а в зале от аплодисментов стены дрожат. Словно это не я перед ними выступал, а какой-нибудь народный артист республики.

Только наш директор почему-то не хлопал. Но это дело уж его. Речь — она как музыка. Ее каждый по своему воспринимает.

МОДА

Мода, как известно, понятие широкое. Она бывает не только на штаны, как вульгарно представляют ее себе некоторые, но и на прически, мебель, стихи и даже на направления в искусстве. Поэтому-то она и приносит человеку столько радостных и горестных минут. Если, скажем, архитекторы создают светлые красивые здания, а не безликие дома, то это, безусловно, для человечества радостные минуты. Если же, к примеру, мебельная фабрика годами выпускает однотипную с непонятной расцветкой мебель, то здесь уже, извините, не до радости.

Но особенно много горя и радости приносит людям

самая древняя мода — мода на одежду. Она, говорят, берет свое начало со времен Адама и Евы. Уже тогда наши предки пытались разнообразить свою одежду, используя различные варианты из фиговых листьев. В этих же целях их потомки стали применять вначале шкуры зверей, а затем и куски материи.

С первым разделением труда в обществе появились и первые законодатели мод тех времен — портные. Делали они это кустарно, в одиночку, а потому и люди, в противоположность современности, ходили в разнообразных одеждах, что, надо полагать, нравилось не всем.

С появлением на свет божий всевозможных ателье и домов моделей человечество вздохнуло свободней. Правда, вздохнули не все. Дело в том, что в каждом человеке где-то глубоко сидит этаким дух новаторства. Рекомендуют, например, модельеры на какой-то сезон зауженные брюки. Часть человечества (я имею в виду наиболее молодую часть) берет в руки ножницы и зауживает эти брюки так, что без посторонней помощи их одеть просто невозможно. То же самое делается и с юбками «мини».

Все это вызывает у людей бесконечные споры. И человечество, по восприятию моды, разделилось на три лагеря: новаторов, консерваторов и умеренных.

Новаторы не только быстро подхватывают любую моду, но сразу же начинают изобретать способ, как довести ее до абсурда. Консерваторы ничего не подхватывают, а наоборот — все новое, будь то хорошее или плохое, принимают в штыки.

Самый большой лагерь составляют умеренные. Они не защищают старое и не хвалят взхлеб все новое, а потому чувствуют себя несколько спокойнее остальных.

Произошло разделение и в нашей семье, но только не на три, а на два лагеря. Жена и дочь составили лагерь новаторов, а я закрепился в лагере умеренных. Наш шестилетний сын принципиально ни к какому лагерю не

примкнул, поскольку ни старые, ни новые моды не предусматривают рваных рубашек и штанов, а тем более царпин и «фонарей» под глазами.

Как видите, силы оказались неравными, и кто в наших спорах чаще терпел поражения, для вас уже не тайна.

Я, как умеренный, не против юбок «мини» вообще, но против, чтобы они были слишком «мини» и чтобы их носили поголовно все.

Когда такую юбку, скажем, надевает моя восемнадцатилетняя дочь, я считаю, что это выглядит модно. Но когда в «мини» влезает жена, то это, простите, уже не мода, а как бы это поделикатнее выразиться... То же самое и в отношении брюк. Брюки, как вам известно, всегда считались принадлежностью мужского туалета. Поэтому мне не совсем ясно, почему в одно время их вдруг начали носить поголовно все женщины. Я понимаю, на работе, на улице, на пляже в брюках очень удобно, но когда в них проникают в храм искусства — театр, это у меня вызывает какой-то подсознательный протест.

По неосторожности я как-то возьми и выскажи эти мысли противоборствующему лагерю. Жена посмотрела на меня с сожалением и сказала:

— Неужели ты не понимаешь? Брюки очень эффектно подчеркивают полное равноправие женщин с мужчинами.

— Но позволь,— возразил я,— мужчины же не надевают юбок, чтобы подчеркнуть свое равноправие с женщинами.

— А шотландские стрелки?— язвительно заметила дочь, вступая в спор.

— Правильно!— торжественно произнесла жена.— Шотландские стрелки — это, во-первых, а во-вторых, мужчины, может быть, и носили бы юбки, но у большинства из них ноги волосатые, а это плохо смотрится.

Аргументы были настолько веские и так безапелля-

гигионно изложены, что мне ничего не оставалось делать как снова признать себя побежденным.

Да, мода действительно понятие широкое.

ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЕДА

Возраст в спорте — понятие относительное. Все зависит от того, каким видом ты занимаешься.

Если ты шахматист, то лет до тридцати будешь считаться молодым, еще подающим надежды. Если, скажем, футболист, то в тридцать лет ты уже ветеран. Ретивые болельщики на трибунах по поводу каждой твсей оплошности с удовольствием кричат: «С поля его!... На пенсию!» А если пловец? Ты еще паспорт не получил, а уже в расцвете сил, мастер, а иногда и заслуженный. Вот и разберись, у кого какой возраст.

В моем спортивном возрасте мемуары, правда, еще не пишут, но в узком кругу друзей уже частенько предаются воспоминаниям. Больше всех, конечно, вспоминают охотники и рыбаки, но представители других видов спорта тоже не прочь вспомнить, как они чуть-чуть не установили рекорд или чуть-чуть не стали чемпионами.

Я в молодости немного занимался боксом и, представьте себе, даже одерживал победы. А дело было так. Проходили соревнования по боксу на первенство облсовета «Авангард». У моего дружка, Ваньки Ильина, был второй спортивный разряд, а ему нужен был первый, потому что он, как говорил наш тренер, «имеет серьезные данные на чемпиона». Я серьезных данных не имел.

Ваньке, чтобы получить первый разряд, осталось побить двоих. Одного он уже побил, а второй, как на грех, перед соревнованиями заболел, и Ванькин разряд повис в воздухе. Чтобы спасти разряд, тренер решил, что Ванька побьет меня. Эта идея мне не понравилась. Тренер

долго доказывал, что это совсем не страшно и что некоторые люди, ради престижа спортивного общества и своего тренера, совершали более значительные подвиги. И я согласился.

Перед боем я все же попросил Ваньку, чтобы он меня не очень сильно бил. Ванька покровительственно похлопал меня по плечу перчаткой и сказал:

— Не бойся. Два раунда поработаем на публику, а в третьем, если почувствуешь себя плохо — ложись.

— Ладно,— говорю, а сам думаю: «За три раунда он из меня отбивную сделает». И я твердо решил лечь на первой же минуте.

Выходим на ринг. Судья называет Ванькину фамилию и перечисляет его заслуги. Публика хлопает, мальчишки свистят (Ваньку в городе знали). Затем судья представляет меня. Зал подозрительно притих. Правда, кто-то раза два хлопнул, но, видимо, устыдившись, замолк. И вдруг... в затихшем зале раздался звонкий мальчишеский голос:

— Не бойсь, Костя, поливай его с левой!

Глянул я в ту сторону, откуда кричат, и ахнул. Кричал Витька, младший брат Лены. Кто такая Лена, я объяснить не буду, только ложиться на глазах у Витьки в первом раунде, мне расхотелось.

Пока я соображал, как мне быть, раздался гонг и Ванька налетел на меня, как молодой петух. Правда, уговор он соблюдает, бьет не сильно. Это меня несколько ободрило, и я повеселел. Бегаем мы по рингу, Ванька все разные удары демонстрирует, а я больше глухую защиту. Публика, как всегда, шумит, а мне даже весело стало. Бьет-то не больно!

Во втором раунде Ванька активность заметно снизил. Или жалко ему меня стало, или перегрузочка у него получилась. Он накануне на дне рождения у кого-то был.

Не успел я прийти к определенному выводу, Ванька, видно по ошибке, как треснет меня в челюсть, да так,

что искры из глаз посыпались. Я страшно разозлился и хватил его по уху. Смотрю, Ванька на полу, в нокдауне. Судья тут же сделал мне предупреждение за удар открытой перчаткой и начал счет.

В нокдауне, я вам скажу, человек чувствует себя, как после хорошей дозы коньяку — голова вроде бы работает, а все остальное нет.

На счете семь Ванька вскочил на ноги и бросился на меня, на этот раз уже по-настоящему. Только вижу, устал он, воздух ртом хватает, как рыба на берегу, а удара совсем нет. «Если не прибавит,— думаю,— три раунда выдержу».

Начинается третий раунд. Ванька снова бросается в атаку и опять чувствую, нет у него силы. Сам я тоже еле на ногах держусь.

«Теперь главное не упасть»,— думаю и начинаю потихоньку отходить в угол. Боксеры, как правило, опасаются попасть в угол — маневра нет, а я страшно обрадовался, когда спиной почувствовал канаты. «Теперь не упаду»,— соображаю. А публика кричит: «Добивай его!» Она думает, что это Ванька загнал меня в угол, а не сам я избрал такую тактику боя. А Ванька добить меня уже не может, потому как сам еле стоит на ногах и, чтобы не упасть, за мою шею держится. Это в боксе называется ближним боем. У боксеров тяжелого веса в третьем раунде такое часто случается.

Стоим мы, значит, обнявшись, а меня смех разбирает. Еще бы не смеяться! На глазах у Витьки три раунда выдержал почти с чемпионом. От избытка чувств и обуревающего меня веселья, я Ваньке и говорю шепотом:

— Вань, а Вань, хочешь, я тебя сейчас за ухо укушу?

Ванька ошалело глянул на меня, как-то боком попятился и, потеряв точку опоры, хлоп на пол. А я стою, меня канаты поддерживают. Публика ревет, а громче всех Витька.

Судья, по привычке, крикнул мне: «В угол!»— и при-

нялся считать. Отсчитав положенные десять секунд, подходит ко мне, берет за руку и тянет в центр ринга, чтобы объявить меня победителем.

Только я оторвался от канатов, как ноги у меня подкосились и я тоже оказался на полу, рядом с Ванькой. Среди судей переполох. Кого объявлять победителем? Посоветовавшись, победу все же присудили мне, поскольку я упал позже. Это была первая и, кстати говоря, последняя победа в моей спортивной биографии.

АКТИВНЫЙ ОТДЫХ

Отдыхаю я каждый год, поскольку работа у меня ответственная и нервная. Я в зоопарке хищных зверей кормлю и в клетках у них убираю. С хищниками, сами знаете, шутки плохи, чуть зазевался и отхватят чего-нибудь. А это нормальному человеку, прямо скажем, ни к чему. Окромя этого зверь он, хотя и хищник, а тоже требует к себе деликатного обхождения.

Как-то, в мое отсутствие, поручили накормить зверей сторожу Сидору, а он, будучи с похмелья, как дыхнул на тигра Бурша, так тот бедняга, весь позеленел, забился в угол клетки и целый день к пище не притрагивался. Сидору потом выговор объявили, чтобы он, как говорится, не портил зверям аппетит.

Так вот, ездил я, значит, каждый год отдыхать в Сибирь, к родственникам. Природа там благодать: речки, озера, леса таежные. В общем для успокоения нервов и души места очень даже подходящие. О питании я уже не говорю. Грибы, ягоды, дичь всякая... Пельмени сибирские! Приедешь, бывало, после отдыха домой, а самого так и тянет побороться с медведем Гошей. А в прошлом году врачи посоветовали мне поехать на Черное море. У моря, мол, самый что ни на есть активный отдых. Вра-

чи, они, конечно, лучше знают, где кому отдыхать полезнее. Вот и собрался я на море, как говорится, диким образом, поскольку путевок в нашем местном на всех не хватает. Сослуживцы дали мне на дорогу советы, и я тронулся в путь.

Вначале все шло вроде бы гладко. Не успел выйти из вагона, как меня обступили со всех сторон подростки, женщины и все наперебой предлагают комнату или койку. Причем каждый клянется, что его койка чуть ли не у самого моря стоит.

Выбрал я дамочку, что вроде бы поспокойней себя вела и говорю ей:

— А у вас что, дорогуша, будет?

— У меня комната,— отвечает.

— Далече от моря-то?

— Рукой подать.

— Ну, раз рукой подать,— говорю,— веди к себе.

Приходим. Домик как домик. Правда, перекопился немного, но жить можно. Я по неопытности направился было к крыльцу, а хозяйка мне говорит:

— Не туда, мил человек, там все уже занято. Пожалуйста сюда,— и открывает дверь в какой-то сарай. Заглянул я вовнутрь, а это натуральный курятник, разница только в том, что вместо насеста койка стоит.

— Ты что же,— спрашиваю,— курятник вместо комнаты предлагаешь мне?

— Э, мил человек,— отвечает. Я уж и позабыла, когда курей держала, невыгодное это дело. Доход от них меньше, чем от вашего брата-дикаря. К тому же курей кормить надо, ухаживать за ними, а дикарь он сам себя кормит и ухода за собой никакого не требует. Вот и поразмысли, что лучше?

Размышлять я, конечно, не стал. Разобрал свои вещи и отправился в магазин за продуктами, поскольку время было позднее и в столовую, как объяснила хозяйка, мне не попасть.

Утром позавтракал остатками ужина и подался к морю. Море оказалось не так уж близко, но зато какая красота! Глаз не оторвешь!

«Да,— думаю,— не даром народ к морю тянется. Это тебе не тайга дремучая». Полюбовался я морем и пошел на пляж. А там народу! Наступить негде, не то чтобы лечь. Потолкался, потолкался я по пляжу и не солоно хлебавши пошел домой.

На другой день, чуть свет, я уже был на пляже. Лежак с боем, но захватил. Место также досталось неплохое, в тени. Правда, от воды далековато, но разок все же сумел обмакнуть в море. Второй раз не пошел. Не привык я через живые тела перешагивать.

А тут еще недоразумение с хозяйкой произошло. Рассказал я как-то ей, по простоте душевной, как в зоопарке с хищными зверями управляюсь, так она после этого стала меня стороной обходить.

Вот и получилось, что народу кругом вроде бы тьма-тьмушная, а по душам поговорить не с кем.

Затосковал я по дому. На сухом пайке, сами понимаете, долго не протянешь, а тут еще сны стали сниться несуразные: то я по тайге в плавках разгуливаю, то со львом Трошей из-за куска мяса дерусь.

Махнул я рукой на активный отдых и, не дождавшись конца отпуска, прикатил домой.

Когда вышел на работу, сослуживцы все в один голос:

— Что-то вид у тебя, Тихон, неважный, часом не заболел?

— Нет,— говорю.— После морского отдыха у всех такое состояние бывает. А сам думаю: «Сговорились черти, завидуют, что я у моря отдыхал».

Но когда я подошел к клетке и увидел, какими печальными глазами посмотрел на меня лев Троша, я понял, что активный отдых у моря не пошел мне впрок. Зверь, он врать зря не станет.

Моя жена и особенно теща страшно не любят, когда я задерживаюсь на работе. Каждый раз в таких случаях они устраивают мне настоящий разнос, не взирая на причину. А работа, сами понимаете, есть работа. То не успел вовремя что-то сделать, то собрание, то совещание, а то и просто партию в шахматы сгоняешь с сослуживцами после шести. Бывает, иногда и пивка выпьешь с приятелями после праведных трудов. Правда, этим делом я особенно не увлекаюсь, но изредка допускаю. Что греха таить!

Жизнь, она штука сложная, ее в строго очерченные рамки не втиснешь.

Так вот, придешь, бывало, домой часиков в восемь-девять, жена навстречу:

— А ну дыхни.

Делать нечего, дышишь. Конечно, дышишь в зависимости от обстоятельств. Если, скажем, ничего не употреблял, то дышишь смело прямо ей в лицо. Если же было дело, то стараешься, наоборот, дышать осторожно и больше в себя втягиваешь воздух.

Убедившись, что от меня спиртным не пахнет, жена несколько успокаивается и начинает обычный допрос: почему задержался, с кем был, что за собрание, какая повестка дня, кто выступал и т. д.

Теща в это время сердито гремит на кухне посудой и с ехидцей комментирует мои ответы. А когда к ней подходит жена, зло ей шипит:

— И ты веришь, что он не пил? Врет. Они теперь чем-то заедать научились, чтобы не пахло. Видишь, у него глаза стеклянные, как у вареного рака.

— Может, это у него от усталости?— робко пытается возразить жена.

— От усталости?— заводится теща.— С чего бы это

он устал? Целыми днями одни только бумажки и пишет. Подумаешь работа!

Жена быстро соглашается с матерью и сердито поджимает губы.

Дальше следует привычная до мелочей сцена. Отгромыхав посудой, обе отправляются в зал к телевизору, а я в одиночестве ужинаю на кухне и иду спать даже в тех случаях, когда по телевизору транслируют футбол.

Сплю я после такого собеседования, разумеется, плохо. Все кошмарные сны какие-то снятся.

И вот однажды... Заявляюсь я домой после затяжного профсоюзного собрания часов в десять вечера, нажимаю на кнопку звонка, а сам думаю: «Ну, сейчас начнется светопреставление — партия для двух женских голосов без оркестра».

Двери открыла сияющая теща, словно она только что выиграла в лотерею «Жигули».

— Наконец-то,— говорит.— А то мы с Леночкой уже волноваться стали.

— Леночка,— зовет она жену.— Колюшка наш пришел, иди встречай.

Подбегает такая же сияющая жена, целует меня в щечку и спрашивает:

— Устал, милый?

— Устал,— говорю, а сам думаю: «Что это случилось с моими женщинами? Какая муха их укусила?»

А жена подает мне домашние туфли и подталкивает в ванную комнату:

— Иди, дорогой, мой быстрее руки и пойдем ужинать. Мы с мамой ужасно проголодались. Не хотели садиться за стол без тебя.

Скинул я пиджак, помыл руки и по привычке двинулся было на кухню.

— Коля, Коля,— кричит теща,— сегодня ужинаем в зале.

Это меня насторожило еще больше. Захожу в зал. Батюшки! На столе чего только нет, а посередине стола стоит бутылка коньяка. Я даже рот открыл от удивления. Так с открытым ртом и проснулся...

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОШИБКА

тром жена говорит:

— Тиша, сходи, пожалуйста, на родительское собрание, а то у меня сегодня ме-

стком.

Я сразу сник: в семь трансляция матча «Спартак» — «Динамо».

— Может быть, в другой раз? — попытался открутиться я.

— Нет, — отвечает. — Сегодня надо обязательно. Учительница жаловалась на Костю.

— Ладно, — согласился я. Ничего, один матч можно пропустить, утешал себя я. К тому же я как-то обещал сыну транзистор за хорошую учебу. Вот заодно и проверю, как у него обстоят дела.

Прихожу в школу. Коридоры забиты родителями. Оказывается, сегодня собрание во всех классах. Смотрю, одни родители ведут себя довольно бойко, запросто беседуют и даже спорят с учителями, а другие, вроде меня, стоят в сторонке, будто пришибленные. Видать, тоже редкие гости в школе.

Тут подходит ко мне наш сосед Кирьянов — его сынишка тоже в восьмом классе.

— Что, страдаешь? — спрашивает. Не повезло сегодня нам. Игра, говорят, будет классная. А здесь только зря время теряем.

Раздался звонок. Оказывается, для нас, родителей. Стали разбредаться по классам.

Мы с Кирьяновым путем опросов определили нужный класс и, устроившись на задней парте, стали активно обсуждать предстоящую игру, прогнозы высказывать.

Нашу беседу о хоккее прервала солидная и властная учительница, потребовав внимания и тишины.

Судя по хватке, она и являлась классным руководителем. Сказав несколько общих слов, она начала перебирать по косточкам всех учеников. Одних хвалит, других ругает, а сама глаз от тетради не отводит. Видно, боится перепутать, какая характеристика к кому относится.

Вдруг слышу, называет фамилию Кузнецова. Я даже вздрогнул. Ну, думаю, сейчас достанется мне.

Слушаю я ее и удивляюсь. Оказывается, у Кости и оценки хорошие, и с дисциплиной все в порядке. Я даже покраснел от удовольствия, а затем весело подмигнул Кирьянову: знай, мол, наших!

Перебрала она по порядку всех учеников, а фамилию Кирьянова не называет. Я потихоньку спрашиваю у него:

— А почему про твоего не говорила?

А он мне так же тихо в ответ:

— Я, кажется, класс перепутал.

— Эх, ты, папаша!— укоризненно покачал я головой.

Прихожу домой и прямо с порога:

— Гони, мать, деньги на транзистор. Молодцом наш Костя оказался. Классная хвалила его на собрании.

На другой день купил я транзистор и торжественно вручил сыну.

— Вот тебе за хорошую учебу!

Прошло около недели. Прибегает как-то жена с работы и набрасывается на меня:

— Как тебе не стыдно? Ты же не был на собрании, а наговорил здесь всяких небылиц.

— То есть как «не был»?— возмутился я,— мы же с Кирьяновым на одной парте...

— Молчи уж! Я встретила Екатерину Васильевну, и

она ко мне с претензиями: почему никто не пришел на родительское собрание.

— Это какая такая Екатерина Васильевна?

— А вот такая!— вспыхнула жена,— классный руководитель Кости!

— А разве у него не Ольга Антоновна?— удивился я.

— Ольга Антоновна из 8 «б».

— Но ведь она называла фамилию...

— Так это же Сережа Кузнецов,— рассердилась жена.— А твоего сына Костей звать.

— Вот теперь понял,— сникшим голосом ответил я.— Ну, а что она говорит в отношении Кости?— спросил я осторожно.

— Говорит, что после того собрания его словно подменили. На уроках сидит спокойно и за это время ни одной тройки не получил.

— Вот видишь, как все здорово получилось. А ты говоришь, я не занимаюсь воспитанием сына,— с гордостью подытожил я.

НОВАТОРЫ

Мой сокурсник и лучший друг Серик Куцаинов перед началом лекции по политэкономии торжественно объявил:

— С сегодняшнего дня, старик, конспекты не пишем.

— Это почему?— удивился я.

— Потому, что мы живем в век НТР. Техника, старик, должна за нас вкалывать.

Он ловко извлек из портфеля небольшой продолговатый предмет и водрузил его на стол.

— Что это?

— Это, старик, подарок моих предков. Японский магнитофон. Он будет за нас писать.

— А мы?

— А мы займемся каким-нибудь более интеллектуальным занятием. Ну, скажем, будем на лекциях играть в «балду» или в «морской бой». Очень развивает сообразительность. А перед экзаменами мы прослушиваем магнитофонную запись лекций и идем сдавать. Пятерка обеспечена.

Идея мне понравилась и мы, включив магнитофон, начали играть в «балду», изредка с любовью посматривая на чудо-аппарат. К концу лекций мы окончательно обалдели, а потому на другой день взялись за «морской бой». Вскоре у нас появились карманные шахматы, и дело пошло еще веселее. Сокурсники посматривали на нас с завистью.

Когда до сессии осталось пять дней, Серик предложил прослушать записанные лекции. Он вставил кассету в соответствующее гнездо и включил аппарат. Магнитофон бархатным голосом нашего преподавателя стал толково и убедительно объяснять нам, что такое прибавочная стоимость.

Но вдруг голос прервался, а магнитофон издал на прощание звук, чем-то напоминающий вой сирены.

Мы переглянулись. Серик дрожащими от волнения руками взял магнитофон и слегка его потряс. Тишина. Серик потряс сильнее, эффект оказался таким же. Потом мы по очереди трясли, стучали по нему, но подарок родителей молчал, как рыба.

— Все. Надо нести в мастерскую,— устало заявил Серик.

Приемщик, посмотрев на марку магнитофона, весело сбъясил:

— Импортная аппаратура — не по нашей части.

Мы побежали в другую мастерскую. Там нам сказали, что в принципе отремонтировать можно, но нет необходимых запасных частей.

Побежали в третью. Пожилой приемщик со скучаю-

щим лицом повертел в руках наш магнитофон и сел выписывать квитанцию. Мы с облегчением вздохнули.

— А когда будет готов?— робко спросил я.— У нас сессия, а там лекции...

— Зайдите через месяц-полтора.

— Давайте магнитофон обратно,— решительно потребовал мой друг.— Мы пойдем в другую мастерскую, где ремонтируют быстрее.

Приемщик улыбнулся:

— Импортные магнитофоны, молодые люди, ремонтируем только мы. Фирма!

Он не спеша расписался в квитанции и сунул ее мне в руки.

— А как же сессия?— упавшим голосом произнес Серик.— У нас ведь сессия...

— Перебьетесь. Как говорится, на технику надейся, а сам не плошай,— весело подмигнул нам приемщик и понес магнитофон в цех.

Сессию мы, конечно, провалили: подвела техника.

НОВАЯ МЕТЛА

Когда объявили об уходе на пенсию Фомы Кузьмича, в отделе все приуныли. Дело в том, что Фома Кузьмич, возглавлявший последние годы наш отдел, был тихим, застенчивым руководителем и совершенно безвредным человеком. Больше всего мы его обожали за то, что он никому в отделе не мешал работать и не вмешивался в наши дела.

Ровно в девять часов он заходил в свой маленький кабинет, откуда до конца рабочего дня никуда не выходил. Чем он там занимался, мы толком не знали, да и он особенно не интересовался, чем занимаемся мы,

Секретарша Наташа ежедневно в десять часов заносила ему почту, а в двенадцать, согласно его резолюций, раздавала ее нам. Поскольку бумаг в отдел поступало мало, мы все вначале чувствовали себя как-то неловко, особенно в дни зарплаты. А потом постепенно стали привыкать.

Года два тому назад наш плановик Раиса Павловна первой решила внести разнообразие в работу отдела.

— Чем без дела здесь сидеть, прошвырнусь-ка я лучше по магазинам,— скромно заявила она и решительно встала из-за стола.

Прошвырнулась. Принесла импортную женскую кофту. Кофта всем понравилась: женщины ахали, мужчины цокали языками.

На другой день мы уже сами попросили Раису Павловну прошвырнуться по магазинам и дали ей в помощь молодого специалиста Колю. К концу рабочего дня у нас в отделе появились платье и мужские босоножки. Чтобы никому не было обидно, решили бросить жребий. Босоножки достались мне, а платье — секретарше Наташе.

На третий день, когда Раиса Павловна и Коля собрались было уже уходить, внесла деловое предложение Анна Ивановна.

— Товарищи!— сказала она.— Промтоварную проблему мы решили успешно. А как быть с продовольственной? Разрешите мне тоже прошвырнуться.

Мы разрешили. Жизнь в отделе забила ключом. Каждое утро наша ударная группа уходила на промысел. Остальные, в ожидании поступления товаров, готовили лотерейные билеты, коллективно разгадывали кроссворды, делились впечатлениями о просмотренных фильмах. Ровно в пять начиналась дележка товаров.

И вот этот годами устоявшийся порядок рушился на глазах. В отдел пришел новый начальник — Кузьма Фомич. Одним словом, новая метла...

Ровно в девять он заходил в нашу комнату, здоровал-

ся и, строго посмотрев на каждого из нас, уходил к себе в кабинет.

Несколько дней мы не знали, что делать. Разгадывать кроссворды почему-то расхотелось, заниматься другими делами тоже. Все приуныли.

— А что если рискнуть?— как-то не выдержав, обратилась ко всем Раиса Павловна.

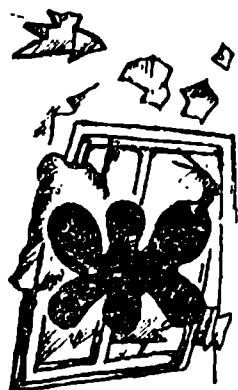
Мы молча переглянулись. Молчание, как говорят, знак согласия. Раиса Павловна наигранно бодро поднялась со стула, за ней, как по команде, вскочили Коля и Анна Ивановна.

В конце рабочего дня мы снова занимались привычным для нас делом. Жизнь в отделе входила в свою колею.

Однажды, когда мы разыгрывали две пары женских туфель, детские колготки и две палочки сервилата, неожиданно вошел Кузьма Фомич. Мы все в страхе замерли. Он хмуро посмотрел на нас, на туфли с колготками и строго изрек:

— Нехорошо, плохо, товарищи! Проводите такое важное мероприятие, а своего заведующего не приглашаете. Где же сплоченность коллектива?

Кузьма Фомич укоризненно покачал головой и степенно вышел из нашей комнаты.

НОВОСЕЛЬЕ

ена, никому не доверяя, дрожащими от волнения руками открыла ключом входную дверь и первой перешагнула порог нашей новой квартиры, еще пахнувшей свежей краской.

— Какая прелесть!— воскликнула она, окинув радостным взглядом две большие светлые комнаты. Комнаты действительно были хороши.

— Костя,— обратилась жена к нашему пятилетнему сыну,— закрой, пожалуйста, дверь, и давайте прикинем, что куда будем ставить. Значит, так. Здесь мы поставим сервант, а здесь...

— Мам, а она не заклиывается,— перебил Костя рассуждения матери.

— Что не закрывается?— не поняла жена.

— Дверь не закливается,— объяснил сын.

— Гриша, помоги ребенку. Что ты стоишь, как истукан? Неужели я все должна делать сама?

Я бодро шагнул к двери, нажал на ручку, но не тут-то было. Дверь не поддавалась. Пришлось налечь плечом.

Дверь тонко взвизгнула и нехотя закрылась.

— Это ничего,— бодро заметила жена,— немного подстрогаешь и все будет в порядке. Значит так. Здесь мы поставим телевизор, а здесь...

— Мам, а, мам,— слышался из ванной комнаты голос сына,— а тут капает.

— Где?— уже не так бодро спросила жена.

— Клан не закливается,— деловито пояснил сын.

Не дожидаясь команды, я направился в ванную. Из крана действительно пробивалась тонкая струйка воды, издавая шипящий звук. Я попробовал закрутить вентиль, он не поддавался.

— Точно, не закрывается,— доложил я жене.

— Ну, это пустяк,— не совсем уверенно заявила жена.— Завтра возьмешь у соседей ключ и подтянешь. Нет, ты только посмотри, какие чудесные комнатки. Сколько лет мы мечтали о такой квартире! Открой, пожалуйста, окно,— обратилась она ко мне,— а то краской пахнет.

Я подошел к окну, с трудом поднял покрашенный толстым слоем краски шпингалет и потянул за ручку. Окно не открывалось. Я потянул сильнее. Вдруг что-то треснуло и ручка оказалась у меня в руках.

— Медведь,— закричала жена.— Тебе деревья в лесу валить...

— Я же не нарочно,— попытался оправдаться я.

— Еще не хватало, чтобы ты это сделал нарочно. Завтра найдешь шурупы и прикрутишь ручку. И не забудь потом закрасить.

Я молча кивнул головой.

— Так вот,— продолжала жена уже без всякого энтузиазма,— здесь мы поставим кровати, а здесь...

— Мам, а, мам,— снова перебил ее сын,— а сдесь дылка.

— Какая еще дырка, где?— нервно спросила супруга.

— В поле,— радостно сообщил Костя.

— Придется замазать цементом и что-нибудь поставить на это место,— вздохнула жена.

— Мам, а, мам,— вновь раздался звонкий голос сына.

— Боже мой,— простонала жена,— что там еще!

Не дождавшись ответа сына, я выскочил на улицу и побежал в домоуправление, на ходу сочиняя гневную речь.

Увидев меня, домоуправ отодвинул в сторону счеты, поправил на носу очки и уставшим голосом спросил:

— Какой?

— Что «какой»?— опешил я.

— Номер дома какой, спрашиваю?

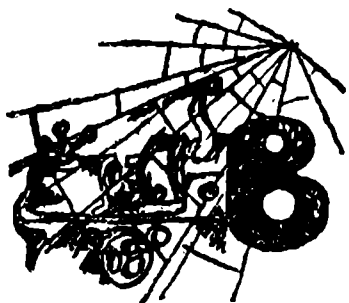
Я назвал. Управдом улыбнулся.

— Считайте, вам повезло. Давайте ключи.

— Какие еще ключи?— насторожился я.

— От вашей квартиры. Вам их, извините, по ошибке выдали. Перепутали дома. Вон они все стоят, словно близнецы какие. Поневоле перепутаешь. А ваш дом мы еще не приняли. Вот составляю по нему список недоделок для строителей. Так что вселяться будете позже. Давайте ключи.

Позабыв поблагодарить управдома, я вихрем помчался к жене за ключами.

се началось с любви. Да именно с любви. В самом широком плане. Боря любил свою профессию токаря, любил свой станок и, конечно же, Олю. Жену то есть. Он регулярно перевыполнял на 50 процентов производственный план, хорошо зарабатывал, а главное, вечерами у него было много свободного времени. Они с Олей вместе гуляли, читали, ходили в театр, кино, навещали друзей...

Но, увы. Все это было в прошлом. Горячо любя свое дело и Олю, он как-то взял и перевыполнил план на 150 процентов! В местной газете сразу появилась статья о молодом талантливом рационализаторе Борисе Прутикове.

После этой статьи жизнь Прутикова резко изменилась. Его избрали членом совета бригады, цехкома, членом комитета ДОСААФ, НТО, общественного БРИЗа, выдвинули в совет НОТ и общество книголюбов. На всех собраниях и заседаниях он теперь сидел в президиуме, его наперебой приглашали на всевозможные мероприятия подшефные школа и колхоз.

Чтобы успеть на все эти собрания, совещания и мероприятия, Борису Ивановичу (в недалеком прошлом просто Боре) приходилось не ходить, а бегать. Пробегая иной раз мимо своего станка, Борис Иванович останавливался, с нежностью и затаенной тоской смотрел на него с минуты и бежал дальше по своим более важным делам.

Вот и сегодня Боря побывал уже на одном собрании, двух совещаниях и в заключение выступил перед пионерами подшефной школы, с которыми поделился своими личными планами, рассказал им о стоящих перед заводом задачах по увеличению вала и о резервах повышения производительности труда. Уставший от бесконечных совещаний, Борис рассказывал долго и нудно, с каким-

то, как ему показалось, поразительным безразличием. Несмотря на это, пионеры, по условному сигналу вожака-того, долго и шумно ему аплодировали...

«Да, докатился», — невесело подумал о себе Борис Иванович, заворачивая во двор своего дома.

Во дворе он увидел у беседки унылую группу чего-то ожидающих людей.

«Опять какое-то мероприятие», — со страхом подумал Прутиков и, пригнувшись, хотел было незамеченным проскочить к своему подъезду. Но не тут-то было!

— Борис Иванович! Дорогой! — бросилась наперерез ему дородная блондинка — соседка по лестничной площадке. — А мы вас ждем. У нас, понимаете ли, собрание жильцов. Одним словом, мы вас избрали председателем домового комитета, ввели в состав товарищеского суда, в комитет по вертикальному озеленению балконов, в инициативную группу по превращению нашего дома в дом образцового содержания.

Прутиков жалобно улыбнулся. С последнего заседания по месту жительства он заявился домой в 12 часов ночи.

Оля заплакала и сказала, что она все поняла: Боря разлюбил ее и свою работу.

Ночью Прутикову приснился страшный сон: он забыл, как включается его любимый станок и с какой стороны подходить к нему надо.

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА

Случай этот произошел, когда я был управляющим треста. Ну, трест как трест — не очень большой, но, видно, нужный, поскольку его, за мою бытность в нем, трижды собирались ликвидировать, да так и не смогли.

Работалось тогда легко. Получали мы из главка раз-

ные циркуляры и указания, регистрировали их и отправляли дальше исполнителям. А когда в тресте возникала вакантная руководящая должность, тоже не надо было голову ломать. Главк сразу же на эту должность присылал своего человека. Это было удобно и нам, и им. Главк под предлогом выдвижения избавлялся от неугодного сотрудника, а мы, в свою очередь, не несли ответственности за его плохую работу.

Так продолжалось до тех пор, пока о нас помнили в главке, а когда совсем забыли, мы стали выращивать руководящие кадры сами. Вот в этот период и произошел случай, о котором я хочу рассказать.

Уволился тогда у меня по семейным обстоятельствам один начальник отдела. Долго я ломал голову над подбором кандидатуры. Перебрал буквально всех сотрудников отдела. Не то! Начал с Кочергина. Толковый был работник, исполнительный, вежливый, организатор хороший, но кто-то пустил слух, что он якобы в нерабочее время выпивает. А это для главка, как красная тряпка для бычка. Ни за что не утвердили бы. Соловьев — тот не пил и не курил, но бездельник был, каких свет мало видел. Сидоркина — грамотная женщина, но ее на работе не застанешь. Целыми днями по магазинам бегают. Керимбаев — староват. Редькин — наоборот, слишком молодой.

Выручил телефонный звонок.

— Привет, Пал Иванович,— пророкотал в трубке голос Ивана Григорьевича.— Что же ты, дорогой, так долго не назначаешь начальника отдела? У нас уже беспокоятся на этот счет...

— Да вот,— говорю,— никак не могу ни на ком остановиться.

— А как Редькин работает? Претензии есть?

— Претензий нет,— отвечаю,— да вот молодость его меня смущает.

— Молодость — не порок, говорят. Была бы светлая

голова. Или у тебя другое мнение? Извини, пожалуйста,— вдруг заторопился Иван Григорьевич,— начальство вызывает.

В трубке раздались гудки.

Намек я, конечно, понял и в тот же день подписал приказ о назначении Редькина начальником отдела. Возражать начальству не в моих правилах.

— Ровно через год приходит ко мне Редькин и говорит:

— Павел Иванович, пришел к вам просить прощения. Раньше прийти духу не хватало. Стеснялся. А сейчас совесть замучила.

— А что стесняться, говори. Ты у меня просто молодец. Работу в отделе поставил что надо: повысил требовательность, поднял дисциплину.

— Да я не о работе,— смутился Редькин.— Помните тот звонок перед моим назначением? Так это я звонил.

— То есть как ты?— опешил я.

— Это же было первого апреля,— залился краской Редькин.— Мы с Таней из нашего отдела просто решили пошутить. В общем, это была первоапрельская шутка.

Я с недоумением минуты две рассматривал покрасневшего от смущения Редькина и... рассмеялся.

— Молодец,— говорю,— что позвонил. Ускорил, так сказать, события. А то я, с моей нерешительностью, сколько бы времени еще мучился. В общем, молодец. Только скажи мне, как это ты ухитрился голосом Ивана Григорьевича со мной говорить?

— Так я же в самодеятельности выступаю,— еще больше смутился Редькин.— Имитирую голоса видных артистов.

— Значит, еще и артист?— удивился я.— Ну и ну!

ТАЛАНТ ПО НАСЛЕДСТВУ

ыдающейся личностью в искусстве я не стал, хотя возможности для этого, как считает мама, были.

Дело в том, что мой папа — заслуженный артист республики, а мама — большой знаток искусства. Правда, мама — домохозяйка, но в искусстве разбирается лучше любого искусствоведа, а уж лучше папы тем более. Она, например, знает по фамилии почти всех ведущих артистов театра и кино, а наиболее знаменитых — по имени и отчеству. Кроме того, она знает, кто из них на ком женат, кто, когда и почему разошелся.

По всем этим вопросам она является главным консультантом нашего двора. Консультируются у нее, в основном, десятиклассницы, но и среди взрослых ее авторитет довольно высок. В ее присутствии многие робеют не только от того, что она «эрудит» в искусстве, но, главным образом, из-за ее быстрых и решительных суждений. Она, например, может моментально определить, у кого есть талант, а у кого его нет.

Впервые за пианино я сел, когда мне исполнилось шесть лет. Сел потому, что мама угадала во мне талант. Папа, как мне показалось, к маминой затее отнесся без особого энтузиазма, но, как большинство пап, во избежание лишнего скандала, занял нейтральную позицию.

Занятия по музыке мне вначале нравились. Я усердно разучивал гаммы и даже начал играть небольшие пьесы. Когда приходили гости, мама усаживала меня за пианино и заставляла играть. Не знаю, как гостей, но маму моя игра всегда приводила в умиление.

Однако это продолжалось недолго. К восьми годам (к ужасу мамы!) интерес к музыке у меня начал исчезать. По инерции я еще продолжал заниматься музыкой, но уже без всякого рвения. Мне больше нравилось играть во дворе с ребятами.

Однажды мой учитель музыки деликатно намекнул папе, что вряд ли я стану Львом Обориним или Свято-славом Рихтером. Прямо сказать, что у меня нет таланта, он постеснялся. Все же папа — заслуженный артист. Папа долго молчал, но потом как-то набрался храбрости и сказал маме:

— Видишь ли, Милочка, я давно заметил, что хорошего музыканта из нашего Аркаши не получится, но не хотел тебя расстраивать. Пусть, думаю, научится играть хотя бы для себя.

— То есть как это «для себя?» — возмутилась мама.

— Очень просто: будет играть где-нибудь в самодеятельности или на семейных вечерах. Это, поверь, тоже неплохо.

— Да ты даешь себе отчет в том, что говоришь? — крикнула мама. — Сын заслуженного артиста республики будет играть в какой-то самодеятельности. А что скажут знакомые и соседи? Ты об этом подумал?

Папа развел руками.

— Ты вот скажи мне, — наседала мама, — кто у Райкина сын?

— Как «кто»? — опешил папа. — Разумеется, тоже Райкин.

— Райкин? — мама взяла верхнее «ля». — Нет! Он артист, как и его отец. Понимаешь, артист, а потом уже Райкин.

— Но у него же настоящий талант, — выкрикнул фальцетом папа и стукнул кулаком по столу, что раньше за ним не замечалось.

Мама испуганно захлопала глазами и примирительно сказала:

— Ну, хорошо, хорошо. Пусть у него талант. Я согласна. А у композитора Петушкова сын — композитор. Тоже талант? А у киноактрисы Звягинцевой дочери — актрисы. Тоже талант? А у... — и мама назвала еще с доб-

рый десяток известных в искусстве фамилий, чьи сыновья и дочери пошли по стопам родителей.

Папа, обескураженный и посрамленный таким тонким знанием дела, сконфуженно произнес:

— Милочка, ты же прекрасно знаешь, что талант по наследству не передается. Все они талантливы сами по себе.

— Значит, у их детей есть талант, а у твоего ребенка нет?— язвительно спросила мама и тут же решительно добавила:— А я тебе официально заявляю, что у нашего ребенка есть талант, его надо только развивать.

Теперь я, не хуже мамы, знаю всех знаменитых композиторов и музыкантов, их детей, блистающих в искусстве, но по-прежнему с отвращением поглядываю на клавиши. А что касается профессий, то я поступил в зооветеринарный институт. В институте мной довольны и считают, что талант у меня все же есть. Правда, не музыкальный.

ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

В квартире у нас был такой идеальный порядок, от которого страдали все. Жена — из-за боязни, что он может быть нарушен, а мы с сыном Аликом — от правил, по которым нам запрещалось гораздо больше, чем разрешалось. Единственным местом, где мы чувствовали себя относительно спокойно, был старый, потертый диван в детской. Во всех других местах мы должны были ходить на цыпочках, не дышать полной грудью, не задевать, не бросать, не брать, не прикасаться...

Так продолжалось до тех пор, пока подруга жены, известная в городе законодательница мод, не посоветовала жене завести собаку.

У нас появился симпатичный, лохматый пес по кличке Бери. У него были знатные родители шотландского происхождения и потому он, несмотря на свой щенячий возраст, держался с достоинством. В течение трех дней Бери осваивался с новой обстановкой, обнюхивал все вещи, а некоторые из них даже пробовал на зуб. Место, отведенное ему в коридоре, он решительно забраковал и перебрался на наш старый диван. Сколько раз его оттуда жена ни стаскивала, он неизменно оказывался на нем.

Я и Алик с интересом следили за этой борьбой характеров. Наконец жена не выдержала и уступила. Диван остался за Бери, а мы с Аликом благодаря этому переехали в зал на диван-кровать. Это были первые благотворные плоды присутствия собаки в доме. Когда же Бери сгрыз мои старые домашние туфли и жена купила новые, я в знак благодарности, потрепал пса за уши и сказал:

— А ты молодец!

Бери с пониманием посмотрел на меня и хитровато вильнул хвостом. Весь его вид как бы говорил: «Со мной не пропадешь».

Через месяц, когда Бери, да и все мы, освоились с новым, более либеральным порядком, установившимся в квартире, жена решила учить пса уму-разуму.

С утра до вечера в доме раздавался ее властный голос: «апорт», «фу», «рядом» и другие команды, предназначенные для собак. Бери, не привыкший к столь активным занятиям, зачастую терялся и жалобно скулил. Тогда на помощь ему приходил Алик. Он становился на четвереньки и, увлекая за собой Бери, бросался за «поноской», опрокидывая по пути стулья, удивляя своей прытью мать. Когда я возвращался с работы, то, как правило, заставал квартиру в таком состоянии, будто мы собирались переезжать. Измученные и отрешенные домочадцы не обращали на меня ни малейшего внимания. Я проходил, не раздеваясь, в зал, садился без всякой

подстилки в кресло, закуривал сигарету и спокойно спрашивал:

— Ну, как дела?

Жена сокрушенно вздыхала:

— Не получается.

При этом она даже не замечала, что я курю. Я подзывал Бери к себе, гладил его по смышленной голове, успокаивал и бросал первый попавший под руки предмет. Бери стремглав бросался за ним и охотно приносил мне. Я и Бери прекрасно понимали, чего мы хотим.

Так постепенно инициатива на собачьих уроках перешла в мои руки. Бери оказался способной и умной собакой. Когда ему исполнился год, он не только научился безукоризненно выполнять все команды, но и оказывать всем небольшие услуги. Мне он приносил носки, туфли, сигареты и другие мелкие предметы. Если жена отправлялась в магазин, Бери с удовольствием нес ее сумку. Во дворе он внимательно следил, чтобы мальчишки не обижали Алика, на защиту которого он иногда вставал так решительно, что мне и жене приходилось потом извиняться перед соседями.

Тем не менее, благодаря Бери, в семье стало намного веселее, а в квартире уютнее. Поистине — собака друг человека.

ОТУЧИЛА

Петр Андреевич получил повышение. По законам родного коллектива это событие полагалось обмыть. Последнее обстоятельство ставило Петра Андреевича в затруднительное положение. Дело в том, что он особого пристрастия к спиртному не имел. Однако, как человек отзывчивый, он не пошел против желания коллектива.

Это и принесло ему в дальнейшем немало горьких минут. Откликнувшись на приглашение к застолью несколько раз, он незаметно привык к этому и даже стал обижаться, если узнавал, что какое-то событие отмечали без него.

Жена с удивлением стала замечать происходящие в муже перемены. Его надо было спасать. Вначале она взывала к совести и сознательности супруга, затем пригрозила, что сообщит на работу — эффекта никакого. У нее опустились руки.

Однажды, когда Петр Андреевич едва приковылял домой и стал бессмысленно подпира́ть стены, она взорвалась:

— Явился — не запылится! Еле тепленький... Вот что, Петр. Не надо мне твоего высокого положения и большой зарплаты. Переходи лучше на свою старую работу. Посмотри, на кого ты стал похож. Похудел, под глазами мешки, по ночам мычишь что-то несуразное.

— Ну, знаешь ли, — вызывающе заявил Петр Андреевич, — это уже не пойдет. Хватила!

— Сам ты хватил! Будь она проклятая твоя водка! Ведь тебя все считают порядочным человеком. А ты? Ну, погоди...

Петр Андреевич невнятно что-то пробормотал и повалился на койку. Утром он со свинцовой головой виновато и покорно стал слушать продолжение вчерашней проповеди:

— Как тебе не стыдно? Раньше хоть дома бушевал, а теперь и соседям покоя не даешь. Стыд-то какой. Иди и сейчас же извинись перед Иваном Артемьевичем...

Петр Андреевич всполошился: «Еще расскажет на работе. Надо идти».

— Что же ты, батенька, буйствовать стал? — укоризненно встретил его сосед. — Вот полюбу́йся на свою работу.

Иван Артемьевич показал пиджак, на котором не было ни одной пуговицы.

Петру Андреевичу почему-то стало холодно.

— Вы уж извините,— говорит,— не могу понять, как это случилось? Давайте я пришью.

— Спасибо, не нужно. Сам пришью. Зайди-ка лучше к Лапиным. У них ты, говорят, вазу какую-то об пол.

Петр Андреевич вспотел.

— А, появился?— хмуро встретил его Лапин.

Он собирал на полу осколки семейной гордости — вазу японского фарфора.

У Петра Андреевича затряслись руки, а в голове начало постреливать.

— Вы уж это, того... пожалуйста, я уплачу.

— Вазу, конечно, жаль,— отвечает сосед,— как-нибудь сочтемся. Ты лучше зайди к Красносельским. У них, говорят, ты целое окно высадил.

У Петра Андреевича подкосились ноги. Еле поднялся к Красносельским. А у них настоящий бедлам. Пол стеклянной крошкой усыпан, сквозняк, стекольщик возле окна хлопочет. У Петра Андреевича отнялся язык.

Из кухни раздался злой голос хозяина: «Кто там еще?»

Петр Андреевич промычал что-то несуразное и выскочил из квартиры.

— Ну что, полюбовался на свою работу?— встречает его жена.

— Что же мне теперь делать, Катя?

— Пить надо бросить...

На работу он в этот день, конечно, не пошел. Слег. Этакая дрожь его пробрала, что жена «скорую» звала.

— У вас, голубчик, синдром похмелья,— сказала ему врач.— Это может привести к тяжелым последствиям.

И началась у Петра Андреевича, так сказать, новая жизнь. В этом ему активно помогала жена.

За какие-нибудь два-три месяца Петр Андреевич

стал просто неузнаваем, а в доме воцарились покой и благополучие. Только мучает его совесть. Виноват перед соседями. Как-то говорит жене:

— Сколько тогда я им неприятностей причинил, а они никуда не пожаловались. Совестно в глаза смотреть.

— А что им жаловаться,— невозмутимо отвечает жена,— ты же у них не был и ничего не делал.

— То есть как «не был»?— опешил Петр Андреевич.— А пуговицы?

— Это Иван Иванович в химчистку собирался отдать пиджак, а там с пуговицами не принимают. Вот он их и срезал.

— А как же ваза Лапиных?

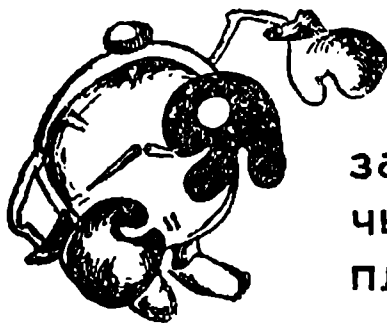
— Ее их Леночка уронила, когда в буфет полезла за вареньем.

— Ну, а стекло? Стекло?— почти закричал Петр Андреевич.

— Мальчишки мячом высадили.

— Но ведь все это соседи связывали с моей последней пьянкой, с моим буйством якобы...

— Соседи понятливые люди. Они откликнулись на мою просьбу.

ЧАСЫ С БОЕМ

зажимаю очередную деталь в тисы. Вдруг чья-то тяжелая рука опустилась на мое плечо.

— Физкультпривет!

Это был наш физорг, Костик.

— Привет,— настороженно ответил я.

Костик критически оглядел меня:

— Хочешь, я из тебя «муху» сделаю?

— Муху?!

— Не бойся,— успокоил он меня.— В нашей команде не хватает боксера наилегчайшего веса. Скворцов не успеет до соревнований вернуться из отпуска. Придется тебе пострадать за честь нашего завода.

У Костика была светлая голова, железные нервы и неукротимый боевой дух. Разве я мог устоять?

Под неусыпным руководством физорга я стал готовиться к предстоящим боям. О, это было тяжелое испытание! Ел я раз в сутки и то в основном лишь кефир. Но зато дважды в день нещадно парился в бане.

Прошло две недели. Мне осталось согнать каких-нибудь сто граммов. Но они оказались самыми трудными. Несмотря на то, что я усердно голодал и почти не вылезал из парной, весил я чуть больше положенного.

— Это ничего,— утешал меня Костик.— Перед соревнованием острижем тебя наголо и будет порядок.

Слава богу, до этого не дошло. Возвратился из отпуска Скворцов, и меня освободили от каторжных тренировок.

Два месяца ушло на восстановление утраченных сил. Местком даже путевку дал в дом отдыха. Костик же за победу заводской команды получил замечательные часы: пылевлагонепроницаемые, с автоматическим подзаводом и с боем через каждый час.

Спустя еще два месяца, утром, ровно в восемь я зажал в тисы первую деталь и... на плечо мне легла знакомая рука.

— Готов ли ты пострадать за честь завода?— ласково спросил меня Костик.

— Но я не хочу быть «мухой»!— воскликнул я.

— Отлично. Я сделаю из тебя «слона».

— Слона?!

— Понимаешь, заболел у нас тяжеловес. Вот ты его и заменишь...

От учебы меня освободили, ел я восемь раз в сутки,

о бане забыл начисто. Все шло как нельзя лучше. Все-таки у Кости была светлая голова

За пять минут до выхода на ринг я опорожнил с десятков бутылок лимонада. Встал на весы. О проклятье! Не хватало ровно тридцати граммов. Что делать?

Но физорг не пал духом. Недолго думая, он сунул мне в рот свои уникальные часы. Команда была спасена.

Секунданты затащили меня на ринг, а человек в белых штанах свел с противником, здоровенным толстяком. Я ткнул его перчаткой в живот. Ему, видно, это не понравилось, и он двинул меня в ухо. Я упал. Костик выбросил белое полотенце.

— Ты молодцом держался!— сказал физорг, когда я очнулся.— Давай сюда часы.

Я открыл рот, Костик заглянул туда и, ничего не обнаружив, накинулся на меня:

— Где часы?

— Не знаю,— растерянно промямлил я.

У меня мелькнула страшная догадка. У Костика, видимо, тоже. Он опустился передо мной на колени, приложил ухо к животу. Оттуда раздался мелодичный звон.

Я проглотил часы! Пылевлагонепроницаемые, с автоматическим под заводом и с боем через каждый час.

— Идут,— удовлетворенно пробасил Костик. Глаза его затуманились, и он грустно добавил:— Дарю их тебе. Носи на здоровье. Ты их честно заработал.

На следующий день утром я зажал в тисы новую деталь, и тут... раздался проклятый мелодичный звон.

— Восемь часов. Точно,— услышал я позади голос Костика. Он невозмутимо сверял с моими свои, только вчера полученные за первое место новенькие часики.

меня вызвали в местком. Федот Акимович, в присутствии немногочисленной общественности, сказал:

— Мы тут, так сказать, посовещались и кое-что решили.

Он сделал небольшую паузу и вздохнул.

— Одним словом, утвердили тебя редактором, так сказать, нашей стенной газеты.

— Меня?— опешил я.— Да вы что, смеетесь? У меня и так разных поручений хоть отбавляй. Что, вы другой кандидатуры не могли найти?

— Искали,— снова вздохнул Федот Акимович,— только все они наотрез отказались. А ты у нас покладистый, от общественных поручений никогда не отказываешься.

— Но я же газетой никогда не занимался, да и образование у меня сугубо техническое...

— Ничего, поможем,— бодро заявил Федот Акимович.— Ты, помню, сам критиковал нашу газету за ее беззубость. Вот и дерзай, поднимай критику, так сказать, на высоту,— заключил Федот Акимович и поднял вверх указательный палец.

Сраженный его железной логикой, я робко спросил:

— А кого критиковать будем?

— Это мы, не торопясь, обмозгуем. Вот ты, например, как считаешь, кого у нас можно пропесочить?

— А что, если начальника планового отдела?— неуверенно произнес я.— У них в отделе много недостатков.

Федот Акимович задумался.

— Действительно, недостатков у них много,— сказал он после значительной паузы.— Но Федор Николаевич — человек мнительный и обидчивый. К тому же поговори-

вают, что он родственник самого Никитина. Уловил? Тот же.

— Тогда давайте начальника отдела сбыта,— загорелся я.— Запчастей не хватает, а они у него на задворках ржавеют.

— Что ты, что ты?— испуганно замахал руками Федот Акимович.— Это же родной отец нашей Зайтуны. Она за это может лишить нас всех поголовно премиальных. Его нельзя.

→ Тогда давайте критиковать сантехника,— разозлился я.

Федот Акимович внимательно посмотрел на меня, хлопнул ладонью по столу:

— А ведь это идея! Батареи то горячие, то холодные, из кранов то течет, то не течет, вода то есть, то нет. Давай, редактор, критикуй службу сантехническую.

— А если слесарь обидится и вообще выключит отопление и воду?

Федот Акимович весело рассмеялся:

Не выключит. Он же нашу газету никогда не читает.

С невеселыми мыслями покидал я кабинет предместкома...

А вскоре вышел первый номер стенгазеты, под моей редакцией. В нем был помещен юмористический рассказ, который вы только что прочли.

Федот Акимович перестал со мной здороваться.

О ТЕЩЕ НАОБОРОТ

озвращая мне рукопись сборника юмористических рассказов, редактор сказал:

— В принципе написано неплохо, с улыбкой, но два рассказа надо переделать: слишком старомодно выглядят.

Прощаясь, он как-то хитро, с прищуром посмотрел на меня и спросил:

— А что это у вас, батенька, в сборнике ни одного рассказа про тещу нет? Такая благодатная и вечная тема для юмористов! Или вы холостой?

— Нет,— говорю,— женатый. Только моя теща в юмор как-то по-настоящему не вписывается, а с другими я мало знаком. Вот и получается, что для рассказа нет прообраза.

— Для юмористического рассказа, батенька, любая теща годится,— весело заключил редактор, и мы расстались.

Придя домой, я быстро переделал указанные редактором два рассказа и сел писать о теще.

Сижу час, сижу два — ничего путного в голову не приходит. Я начал злиться. Злюсь на редактора, злюсь на тещу, которую никак не могу в рассказ втиснуть. Я уж и так прикидывал и эдак — ничего не получается. Чувствую, что уже не просто злюсь, а начинаю ненавидеть свою тещу. И тут меня словно прорвало.

Вспомнил, как она нам на свадьбе палас подарила. Другие тещи вон своим детям «Жигули» и дачи дарят, а моя, видите ли, палас. Правда, у нее не та работа, на которой можно быстро сэкономить на «Жигули» (она у нас театральная кассир), но все равно могла бы, в худшем случае, накопить на цветной телевизор. Знала ведь, что дочь замуж будет выходить.

А когда родился Костя, она стала жить у нас больше, чем у себя дома. Думаете, просто так? Это наверняка для того, чтобы потом упреками нас замучить, а заодно и ребенка настроить против родителей.

А когда у нас уборка или стирка — она тут как тут. Лезет везде со своей помощью. Думаете, тоже спроста? Перед соседями старается. Хочет показать им, что весь дом будто на ней только и держится.

Эти воспоминания о теще распалили меня не на шутку. Я все больше и больше находил в ее поведении недостатков и коварства.

Взять хотя бы праздники. Придет, бывало, и говорит:

— Вы пойдите погуляйте, а я посижу дома с Кос-тиком.

Видали, куда гнет? Во-первых, сына от родителей от-важивает, а во-вторых, опять предлог для обвинения нас в эгоизме.

А однажды дошла до того, что взяла и купила нам с женой путевки в дом отдыха. Представляете? Как будто мы сами не в состоянии были купить. Перед соседями даже стыдно.

О ее характере я уже не говорю. Стоит мне, напри-мер, начать ссору с женой, как она демонстративно при-нимает мою сторону. Да где это было видано, чтобы мать выступала против родной дочери? Вот ведь какое коварство!

Одним словом, материала для юморески собралось предостаточно и я застучал на машинке. Закончив рас-сказ, направился в издательство.

Редактор бегло просмотрел переделанные рассказы, а на юмореске о теще почему-то задержался. Прочитал раз, другой, а потом и говорит:

— Такую тещу, батенька, на руках надо носить, а вы про нее юмористический рассказ пишете, высмеиваете то есть. Стыдно, молодой человек!— и он выверен-ным движением швырнул юмореску в корзину для мусора.

ПЕРВОЕ МЕСТО

в нашем главке всего два управления: одно как бы с промышленным уклоном, а второе, наоборот,— с сельскохозяйственным. Несмотря на некоторое различие в специфике работы, эти управления с давних пор соревнуются между собой. В конце каждого года, как положено, подводятся итоги, Победителю присуждается первое место, а побежденному, соответственно, второе. Поскольку работа в главке канцелярская, то есть трудно поддающаяся учету, первое место присуждается по очереди, чтобы, значит, никому не было обидно.

Так было до того, как стали сдавать нормы по комплексу ГТО. Жизнь в управлениях забурлила. Назначенные физорги, не сговариваясь, заявили:

— Сейчас наступил ответственный момент. В показатели соревнования надо включить количество подготовленных значкистов ГТО, а лучше всего конкретнее: кто выше прыгнет, кто дальше метнет гранату, быстрее пробежит стометровку и т. д.

Наше управление, которое как бы с промышленным уклоном, поначалу столкнулось с рядом трудностей: у одних сотрудников комплекция не позволяла далеко прыгать, у других болезнь не давала возможности быстро бегать, у третьих времени не хватало для тренировок. Одним словом, подготовка значкистов застопорилась. Но когда мы узнали, что управление как бы с сельскохозяйственным уклоном обошло нас по количеству гэтэошников, физорг и руководство забеспокоились. Покинув спортплощадку, они сели за бумаги и к концу года довели количество значкистов до максимально возможной цифры. Соперники тоже не дремали. При подведении итогов обнаружилось, что показатели у них и у нас

примерно одинаковые. По этой причине первое место решили временно не присуждать. А чтобы внести ясность, договорились провести между управлениями соревнования по девяти видам спорта, в том числе и по тем, которые не входят в комплекс ГТО.

Вот здесь-то и разгорелись по-настоящему страсти. Что только не делалось для победы! Но силы, как говорится, были равными. К финишу соревнований результат был четыре — на четыре. Остался один вид — борьба.

Наши противники попытались было схитрить. На вакантную должность агронома временно приняли выпускника института физкультуры Силина. Но мы были начеку и подали протест. Силина в тот же день уволили. Пришлось им выставлять на соревнование своего хозяйственника Осетрова, который в молодости якобы занимался борьбой.

Вот тут ко мне и ввалилась целая делегация во главе с нашим физоргом.

— Дядя Гриша, выручай,— говорит физорг.— Только ты можешь спасти наше управление.

— Что вы, ребята,— отвечаю,— я же никогда в жизни не боролся, да и комплекция у меня для борьбы неподходящая. Шуточное ли дело — 130 килограммов!

— Это как раз то, что надо,— обрадовался физорг.— Понимаете, что получается? Вас одному нормальному человеку не повалить. Вот и стойте себе на здоровье. А если Осетров вас не повалит — боевая ничья.

Как ни упирался, как ни отказывался — ничего не получилось: пригрозили на профсоюзном собрании проработать...

Ну, вышел я на ковер. Вижу, противник нервничает. Подошел он ко мне и лихорадочно соображает, за что бы меня ухватить. А ухватить, прямо скажем, не за что. Попытался было обхватить за талию. Куда там! Руки коротки. У меня талия не меньше метра в диаметре, а если чуть живот напрягу, то и все полтора. Попробовал ухва-

титься за шею, тоже неудача, потому как шеи у меня почти нет — голова прямо на туловище посажена. От натуги, бедняга, весь потом изошел, а сделать со мной ничего не может. Здесь нервишки его и подвели. Схватил он меня за ногу, а в классической борьбе этого делать не полагается. Судья тут же сделал ему предупреждение и засчитал штрафное очко. Наши болельщики от радости взревели.

— Дави его, Гриша, животом! — кричат.

Только хотел навалиться на него, свисток раздался. Судья подбегает ко мне и в знак победы поднимает мою руку. Наши управленцы бросились ко мне и предприняли отчаянную попытку поднять меня, чтобы, как принято на соревнованиях, подбросить и покачать. Однако, убедившись в бесплодности своей затеи, дружно стали похлопывать меня по плечу, животу и другим местам.

Так за несколько минут я из предмета постоянных шуток превратился в почитаемую личность.

Шуточное ли дело, не только выстоял, но и выиграл управлению первое место!

ЩЕКОТЛИВОЕ ДЕЛО

Миша Смурков, студент-заочник журфака, робко переступил порог кабинета ответственного секретаря районной газеты «Вперед» товарища Курочкина и в нерешительности остановился, прижимая к груди тощий серый пакет.

Курочкин оторвал взгляд от разбросанных в беспорядке по всему столу бумаг, подозрительно посмотрел на Мишу и хмуро спросил:

— Материал? Жалоба?

— Ма-атериал, — заикаясь от волнения, произнес Миша и почему-то густо покраснел.

— 'А-а!'— радостно улыбнулся Курочкин, вставая из-за стола.— Это, понимаешь, хорошо, это совсем другое дело. А то, понимаешь, одолели жалобами, а материал, понимаешь, не несут. Ну, давай, давай сюда. Посмотрим, что ты сочинил:

По мере чтения лицо у Курочкина все шире и шире расплывалось в улыбке, а в одном месте он даже весело хихикнул. Закончив чтение, Курочкин с любопытством посмотрел на Мишу.

— Юмореска, говоришь?

— Юмореска,— радостно подтвердил Миша.

— В том-то и дело, что юмореска,— задумчиво почесал за ухом Курочкин.— Юмором у нас, понимаешь, занимается сам редактор, поскольку это дело очень щекотливое. Старик и раньше, понимаешь, не очень-то жаловал юмор и критику, а теперь тем более. У нас тут случай недавно произошел. Поместили мы в нашей газете юмореску об одном руководителе-бездельнике, а начальник райпочты возьми и реши, что это про него там написано. И пошел во все инстанции жалобы строчить, что газета, мол, занимается дискредитацией руководящих работников района. До сих пор не можем доказать, что в юмореске не о нем речь идет. Вот что такое юмор, понимаешь?

Курочкин тяжело вздохнул.

— Одним словом, иди к редактору. Юмореска твоя хорошая, может, повезет.

...Редактор медленно читал Мишину юмореску, поминутно вздыхая и страдальчески морщась словно от зубной боли. Закончив читать, он тоскливо посмотрел из-под широких белесых бровей на Смуркова и вяло изрек:

— Не пойдет.

— Плохая тема?— приподнялся со стула Миша.

— Тема неплохая, но в изложении нет самобытности. Много фраз, которые уже встречались в литературе. Вот

ты пишешь: «Она прищурила свои голубые глаза...» А знаешь ли ты, сколько уже написано о голубых глазах? Так-то вот.

— Давайте переделаем их на карие,— быстро предложил Миша.

— Карие, говоришь? А о карих, думаешь, меньше написано? Ты, брат, найди такой цвет, который в литературе еще не встречался. Вот тогда будет интересно, самобытно.

— А где же я такой цвет найду?— взмолился Миша.— В литературе обо всех цветах уже писали.

— Не найдешь цвет, оттенок новый поищи. Тогда будет самобытно, изобретательно...

Или вот еще у тебя: «Он скрипнул зубами...» Понимаешь, зубами. Об этом же сотни раз уже писали.

— А чем он должен скрипнуть?— удивился Миша.

— Мало ли чем? Пусть скрипит чем-либо другим.

Миша ошалело посмотрел на редактора, а тот невозмутимо продолжал:

— И псевдоним ты себе выбрал какой-то несерьезный — Смурков.

— Это не псевдоним, а моя фамилия,— окончательно вспылил Миша и, схватив со стола редактора свою рукопись, выскочил из кабинета.

Курочкин проводил его печальным взглядом. Ему было жаль Мишу, жаль хорошую юмореску, жаль себя...

Он медленно прошелся по кабинету, тяжело вздохнул и сел (в который уже раз!) писать заявление об уходе на пенсию...

приходит жена с работы и говорит:

— А я, Тиша, в командировку еду.

— Что, у вас послать больше некого?— возмутился я.— У тебя же дети!

— Я об этом сказала заведующему.

— А он что?

— А он говорит: «У Полины Ивановны и Нины Степановны тоже есть дети, и даже мужей нет, а вот — едут...»

— Ничего себе ситуация,— процедил я сквозь зубы, нервно меряя шагами комнату.

— Да ты не беспокойся,— продолжала жена.— Едем мы бригадой и всего лишь на пять дней.

— Ну, если бригадой и на пять дней — тогда еще терпимо,— согласился я.

На другой день, придя с работы, я строго по инструкции, оставленной женой, поджарил яичницу и накормил детей.

— Не боги горшки лепят,— вслух похвалил я себя и сел читать газету. Не успел прочесть и десяти строк, как меня словно током ударило: «А что я им приготовлю на завтрак? Жена советовала об этом подумать с вечера». Пришлось допоздна провозиться на кухне.

На следующий день только я занял свой пост у плиты, как заявляется с улицы сын и докладывает:

— Пап, а я штаны порвал.

Делать нечего. Откладываю в сторону кастрюли, беру иголку с ниткой. Тут дочь теребит за локоть.

— Пап, а я есть хочу.

— Леночка, ты же видишь, папа занят,— разъясняю ей.

— Я вижу,— отвечает.— Только есть все равно хочется.

— А вы пойдите на улицу, поиграйте. Как приготовлю ужин — позову.

Выпроводив детей и кое-как справившись со штанами, я снова поспешил на кухню. Едва наладился варить борщ, вспомнил: нет хлеба.

Убавив во всех конфорках газ, мчусь за хлебом. Во дворе встречаю соседа. Глаза у него круглые от удивления.

— Ты куда это, Тимофей?

— Да за хлебом, — отвечаю на ходу.

— А почему в фартуке?

Тьфу ты, черт! И точно в фартуке! Побежал обратно. Толкаю дверь — заперта. Лихорадочно шарю по карманам. Так и есть, ключи дома забыл. Беда с этими иностранными замками! Выскакиваю, как ошпаренный, во двор. Дворовые зеваки тут как тут. Одни советуют пожарную команду вызвать, другие — по веревке спуститься с верхнего этажа, третьи — сломать замок.

Отвергнув все советы, рванул на соседнюю стройку, может, думаю, там лестницу раздобуду. На стройке, как назло, ни одной лестницы. Схватил длинную доску.

Приволок я доску, приставил куда следует, лезу на балкон, а зеваки внизу уже пари заключают — упаду я с той доски или нет. Добрался до окна, глядь — мамочки! Дым, пар, как в бане, которую по черному топят. Забираюсь в кухню, выключаю газ, хватаю раскаленную кастрюлю и в ванную. Смотрю, вместо борща подгорелая капуста получилась. А тут дети уже в дверь стучат. Ужинать явились.

Усадил я их за стол и объясняю:

— Это, ребятки, бигус называется. Мама, поди, никогда такого блюда не готовила?

Ребята попробовали, поморщились.

— Нет, говорят, — мама такого не готовила. И оба, как по команде, выскочили из-за стола.

Поздно ночью, очистив наждаком кастрюли, я кое-

как добрался до постели. Засыпая, подумал: «И чего это юмористы всегда остряют по поводу того, как мужья 8 марта заменяют жен на кухне. Ничего в этом смешного нет».

СОВЕЩАНИЕ ПОМОГЛО

8-м тресте стоял переполох. К нам на совещание прибывало какое-то большое начальство, а управляющий трестом, как на грех, был в отпуске.

Вся тяжесть по проведению совещания и встрече высокого гостя легла на плечи зама. Наш зам — Олег Мануилович — слыл неплохим специалистом, но по натуре был человеком трусливым и страшно подхалимистым, за что я его, мягко говоря, недолюбливал, а он меня за прямооту и настырность просто терпеть не мог. По этой причине он все предложения о моем повышении по службе категорически отвергал, и я соответственно надолго застрял на должности начальника группы. Ну, это, как говорится, к делу не относится.

Перед совещанием трест трясло, как в лихорадке. В течение двух дней никто своими служебными делами не занимался. Все были мобилизованы на уборку помещений.

Когда, по мнению Олега Мануиловича, все помещения и особенно зал заседаний приняли надлежащий вид, он собрал всех нас на генеральную репетицию. Мы до мелочей обсудили весь сценарий предстоящего совещания:

Когда до начала совещания осталось три минуты, по залу прокатился гул:

— Идут!

Я повернул голову к входным дверям и обомлел...

Прямо на меня двигался важной походкой заметно раздобревший мой бывший кореш по институту Колька Грачев. Рядом с ним, красный, от волнения, семенил Олег Мануилович, а за ними, сбившись в кучку, робко толпились члены президиума.

Я не удержался от искушения и вполголоса окликнул: — Грачев!

Высокий гость оглянулся и вдруг, растопырив руки, бросился ко мне с возгласом «Витька!»

Мы обнялись на глазах у растерявшегося президиума. Потискав друг друга, договорились встретиться после совещания и пойти ко мне домой...

Открывая совещание, Олег Мануилович первым нарушил им же написанный сценарий. Краснея и заикаясь от волнения, он внес предложение включить дополнительно в состав президиума товарища Синичкина, то есть меня.

Под одобрительные возгласы и аплодисменты я прошел в президиум.

Олег Мануилович окончательно растерялся и, видимо, по этой причине, в нарушение всякой субординации, поручил вести совещание мне.

Сценарий, написанный его талантливой рукой, стал на глазах трещать по всем швам. Почему-то вдруг слово для выступления стали просить не запланированные ораторы, да и говорили они совсем не то, что было предусмотрено сценарием. Что касается аплодисментов, то они были. Правда, не в запланированных местах.

В заключение выступил представитель министерства Грачев. Он дал высокую оценку нашему совещанию, прошедшему, как он сказал, по-деловому.

Через неделю после этого события я был назначен начальником отдела. Приказ лично подписал Олег Мануилович.

СОДЕРЖАНИЕ

Большая ценность	3
Друзья	5
Эликсир бодрости	7
Ссора в цейтноте	10
Спасем ли Савичева?	11
Проверено на практике	14
Мода	16
Первая и последняя победа	19
Активный отдых	22
Однажды	25
Положительная ошибка	27
Новаторы	29
Новая метла	31
Новоселье	33
Сон в руку	36
Первоапрельская шутка	37
Талант по наследству	40
Друг человека	42
Отучила	44
Часы с боем	47
Критика снизу	50
О теще наоборот	51
Первое место	54
Щекотливое дело	56
Бигус по-отцовски	59
Совещание помогло	61

Александр Семенович Иванов

ЭЛИКСИР БОДРОСТИ

рассказы

Редактор *Е. Мосина*
Художник *П. Чистилин*
Худож. редактор *Л. Тетенко*
Техн. редактор *С. Лепесова*
Корректор *А. Аужанова*

ИБ 2222

Сдано в набор 16.06.82. Подписано в печать 07.09.82. УГ 13203. Формат 70×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Журнально-рубленая гарнитура. Высокая печать. Печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 2,8. Уч.-изд. л. 2,7. Тираж 100 000 экз. Заказ № 885. Цена 20 коп.

Издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

